

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ТРИБУНАЛ ПО ЛИВАНУ И ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

И.И. Синякин, А.Ю. Скуратова

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

25 июля 2021 г.

Дата принятия в печать –

10 октября 2021 г.

Дата онлайн-размещения –

24 декабря 2021 г.

Анализируются причины создания Специального трибунала по Ливану, существо преступлений, подпадающих под его юрисдикцию, политические аспекты работы. Приводится подробный анализ Приговора Трибунала 2020 г. и всей его деятельности с позиций влияния на развитие международного уголовного права. Отмечается неоднородность правовых методик и оценок, положенных в основу Приговора; делается вывод о его потенциально отрицательном эффекте для развития международного уголовного права.

Ключевые слова

Международное уголовное право, Специальный Трибунал по Ливану, международный терроризм, квалификация преступлений

SPECIAL TRIBUNAL FOR LEBANON AND PROGRESSIVE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Ivan I. Sinyakin, Alexandra Yu. Skuratova

MGIMO University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2021 July 25

Accepted –

2021 October 10

Available online –

2021 December 24

The subject. The article analyses the practice of the Special Tribunal for Lebanon and its Judgement of 18 August 2020, rendered against those found guilty of a terrorist act and the impact on the progressive development of international criminal law.

The purpose. This article seeks to define what goal the international community pursued in establishing the Special Tribunal for Lebanon from the perspective of international security law, international criminal justice, and counter-terrorism cooperation. The legal nature of the terrorist attack of 14 October 2005 is essential in this regard: is the crime comparable in its gravity and consequences to the crimes of genocide or war crimes in the territory of the former Yugoslavia or Rwanda, which predetermined the subsequent establishment of ad hoc international criminal tribunals? Further, was the establishment of the Special Tribunal for Lebanon an attempt to make the crimes of terrorism an international crime in practice? Finally, was the establishment of the Tribunal an attempt to lay the groundwork for a new type of international judicial bodies with jurisdiction over crimes of terrorism?

The methodology. The authors use such general theoretical and specific scientific methods as comparative analysis, generalization, interpretation and classification as well as systemic analysis and formal logical methods.

The main results. The legal qualification and analysis of the circumstances of the terrorist attack do not enable the conclusion that the bomb explosion in Beirut was comparable in danger and consequences to any international crimes or was a threat to international peace and security. In its turn, the involvement of the Security Council in the establishment of the Tribunal does not unequivocally evidence its alleged attempt to create a purely international criminal structure.

The choice of applicable law granted to Lebanon and the fact that the crime committed solely affected the interests of that State would qualify the Tribunal as an internationalized judicial body, whose work would focus on defining the crime of terrorism through a broader

lens of interpreting national legislation. In other words, the impetus for development has been given not to international but national criminal law.

The Tribunal was created neither to progressively develop international criminal law with regard to defining terrorism as an international crime nor to advance the international criminal justice system. Rather, it was an attempt to address Lebanon's specific political and legal challenges.

Conclusions. The outcome of the Tribunal's work could have a rather negative impact on the development of international criminal law, discrediting the very idea of enabling "peace through justice" and uniform, consistent application and interpretation of international criminal law.

1. Введение

18 августа 2020 г. – после 11 лет рассмотрения дела – Специальным трибуналом по Ливану (далее также – СТЛ, Трибунал) был вынесен приговор в отношении лиц, обвиняемых в совершении террористического акта, произошедшего 14 февраля 2005 г. в Бейруте, в результате которого, помимо 21 человека, погиб премьер-министр Ливана Рафик Харири и 226 человек было ранено. Согласно приговору СТЛ Салим Айяш, член организации «Хезболла», был признан виновным в сговоре и совершении террористического акта с применением взрывного устройства, преднамеренном убийстве и покушении на убийство и приговорен к пяти пожизненным срокам тюремного заключения; три других обвиняемых признаны невиновными¹. Несмотря на то, что причастность организации «Хезболла» к преступлению не была установлена², она отказалась передать главного обвиняемого правоохранным органам Ливана, а потому Салим Айяш, в отсутствие которого судебное разбирательство подобным образом проводилось впервые с Нюрнбергского трибунала [1, р. 126], был признан виновным заочно.

Масштабы и последствия вышеуказанного преступления привели к уникальной ситуации в области международного уголовного правосудия: созданию по инициативе международного сообщества специального судебного органа для отправления правосудия в связи с единственным совершенным актом терроризма: Специального трибунала по Ливану. Несмотря на то, что до 14 февраля 2005 г. имели место и более крупные террористические акты (взрывы в Бомбее (1993 г.), взрывы посольств США в Кении и

Танзании (1998 г.), террористические нападения 11 сентября 2001 г., нападение на туристов на Бали (2002 г.) и др.), создание СТЛ стало первым подобным прецедентом. До Трибунала идея создать подобный орган была озвучена после убийства 9 октября 1934 г. в Марселе югославского короля Александра I и министра иностранных дел Франции Луи Барту. В результате работы Комитета экспертов в 1937 г. в рамках Лиги Наций был разработан проект Конвенции об учреждении Международного уголовного суда с компетенцией в отношении одного преступления – международного терроризма, однако в силу этот договор так и не вступил.

Учреждение Трибунала было совершено во исполнение Резолюции Совета Безопасности ООН 1664 (2006), а Резолюция 1757 (2007) содержала текст Соглашения между ООН и Ливанской Республикой об учреждении СТЛ³ и его Устав. По сути, международное сообщество в лице органа, на который возложена главная ответственность по поддержанию международного мира и безопасности, пошло по уже проверенному пути создания судебных органов *ad hoc* [2, р. 485–489], как это уже имело место в случае Международного трибунала по бывшей Югославии (Резолюция СБ ООН 827 (1993)), Международного трибунала по Руанде (Резолюция СБ ООН 955 (1994)), Специального суда по Сьерра-Леоне (Резолюция СБ ООН 1315 (2000)). В данном случае, однако, инициатива создания СТЛ исходила не от международного сообщества в лице ООН или группы государств, а от действующего премьер-министра Ливана, обратившегося с соответствующей просьбой на имя Генерального секретаря ООН⁴. Иной – по срав-

¹ The Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash, Hassan Habib Merhi, Hussein Hassan Oneissi, Assad Hassan Sabra (The Trial Chamber Judgement) STL-11-01/T/TC (18 August 2020). Par. 6904.

² Ibid. Par. 765, 787.

³ Из-за внутривластных разногласий данное соглашение не удалось ратифицировать, поэтому Трибунал был

создан на основании резолюции Совета Безопасности ООН. В этой связи существует мнение, что Резолюция СБ ООН 1757 была направлена не на создание Трибунала, а на преодоление внутривластных разногласий.

⁴ См.: UNSC Res 1595 (7 April 2005) UN Doc S/RES/1595; UNSC Res 1644 (15 December 2005) UN Doc S/RES/1644; UNSC Res

нению с трибуналами по бывшей Югославии и Руанде – способ создания, а также структура и состав СТЛ являются отличительными чертами данного судебного органа и не позволяют в полной мере называть его международным – в доктрине закрепились формулировки «интернационализированный», или «смешанный», «гибридный» орган международной уголовной юстиции [3; 4]. При этом СТЛ не является ни вспомогательным органом ООН, ни органом ливанской судебной системы [5, р. 49; 6, р. 187].

Иным существенным отличительным признаком созданных до СТЛ трибуналов было осуществление юрисдикции над лицами, ответственными за совершение серьезных нарушений международного гуманитарного права, геноцид, преступлений против человечности, т. е. за международные преступления. Иными словами, до начала действия Международного уголовного суда создание данных органов представляло собой сложившуюся практику учреждения *ad hoc* трибуналов, создаваемых после мировых войн (Лейпцигские процессы 1921 г., Международный Военный трибунал для наказания главных военных преступников европейских стран оси, Международный Военный трибунал для Дальнего Востока) или вооруженных конфликтов, сопровождавшихся крупномасштабными преступлениями. Особой тяжести и опасности совершенных преступлений для всего международного сообщества соответствовал и уровень международного судебного органа, олицетворявшего собой пример отправления правосудия от имени всего международного сообщества.

В этой связи возникает вопрос о том, какую цель преследовало международное сообщество, учреждая СТЛ. Был ли террористический акт 14 февраля 2005 г. по своей опасности и последствиям сопоставим, например, с преступлением геноцида или военными преступлениями на территории бывшей Югославии или в Руанде? Было ли учреждение СТЛ попыткой практического переноса преступлений терроризма (в данном случае конкретного акта) в категорию международных преступлений? Было ли учреждение Трибунала попыткой заложить основу новому виду международных судебных органов с юрисдикцией в отношении преступлений терроризма [7, р. 201–202] (с последующей перспективой

организации постоянного суда, какой не удалось создать в 1937 г.)?

2. Серьезность совершенного преступления

Совет Безопасности ООН выступил с решительным осуждением террористического акта в Бейруте, констатируя, что данные действия (как и весь терроризм во всех его формах и проявлениях) и их последствия представляют угрозу международному миру и безопасности, и призвал привлечь к ответственности всех виновных лиц⁵. Было обращено внимание, что согласно ранее принятым резолюциям все государства должны оказывать друг другу максимальную помощь в связи с уголовными расследованиями или уголовными преследованиями по фактам совершения террористических актов и не допускать ухода от ответственности виновных лиц (Резолюция 1636 (2005)). В данном случае налицо стандартная реакция Совета Безопасности ООН на все совершенные акты терроризма независимо от числа и личности жертв, масштабов разрушений или пострадавшего государства. Причины придания особого значения расследованию именно этого преступления указаны не были. Безусловно, убийство представителя руководства любого государства представляет собой угрозу международному миру и безопасности, стабильности как внутри страны, так и в пределах региона. Однако аналогичные преступления, например убийство 6 октября 1981 г. в результате террористического акта Президента Египта Мухаммада Анвар ас-Садата, убийство 28 февраля 1986 г. премьер-министра Швеции Улофа Пальме или убийство 20 октября 2011 г. главы Ливии – Муаммара Каддафи, не послужили причиной создания специальных международных судебных органов. Кроме того, Р. Харири был не первым премьер-министром Ливана, погибшим в результате террористического акта. Так, 17 июля 1951 г. Риад ас-Сольх, первый премьер-министр Ливана после обретения государством независимости в 1943 г., был застрелен в Аммане членами Сирийской социальной националистической партии; 1 июня 1987 г. Рашид Караме, занимавший на тот момент пост премьер-министра 8-й раз, был убит в результате взрыва бомбы в собственном вертолете [8, р. 303]. Но и эти преступления не имели последствий, аналогичных убийству Р. Харири.

1664 (29 March 2006) UN Doc S/RES/1664; UNSC Res 1757 (30 May 2007) UN Doc S/RES/1757.

⁵ См.: UNSC Res 1595 (7 April 2005) UN Doc S/RES/1595; UNSC Res 1636 (31 October 2005) UN Doc S/RES/1636; UNSC Res

1644 (15 December 2005) UN Doc S/RES/1644; UNSC Res 1664 (29 March 2006) UN Doc S/RES/1664; UNSC Res 1748 (27 March 2007) UN Doc S/RES/1748; UNSC Res 1757 (30 May 2007) UN Doc S/RES/1757.

В данном контексте можно сделать вывод, что поскольку террористический акт 14 февраля 2005 г. не был отмечен Советом Безопасности ООН [2, р. 506–508; 9, р. 521] как особенный в ряду других террористических актов или сопоставимый по тяжести с событиями, повлекшими учреждение специальных судебных органов по бывшей Югославии, Руанде и Сьерра-Леоне, нет оснований утверждать, что взрыв бомбы в Бейруте равнозначен по своей опасности и последствиям каким бы то ни было международным преступлениям или же представляет угрозу международному миру и безопасности [10, р. 293]. К тому же участие Совета Безопасности в организации СТЛ вовсе не обязательно должно свидетельствовать о создании исключительно международной уголовной судебной структуры [9, р. 523; 11, с. 47]. Более того, как будет показано ниже, сама оценка преступления и учреждение Трибунала по Ливану могли быть больше политическим шагом [2, р. 493–496; 12, р. 182], нежели стремлением прогрессивного развития международного права.

3. Террористический акт 14 февраля 2005 г. как международное преступление или преступление международного характера

В теории международного права различают две основополагающие категории преступлений – международные преступления и преступления международного характера. Эти две категории имеют несколько оснований для разграничения [13].

Во-первых, субъект преступления. В отличие от международных преступлений, которые совершаются государствами в лице их руководителей, высших должностных лиц, иных ответственных индивидов, преступления международного характера (транснациональные) совершаются частными лицами вне связи с деятельностью государства, по собственной инициативе для достижения собственных противоправных целей, в целях личной выгоды. Если в случае международных преступлений исполнителем считается само государство (в лице своих ответственных должностных и иных лиц, связанных с государством и использующих государственный аппарат для осуществления преступлений), то к совершению преступлений международного характера государство не причастно: наоборот, оно ведет с ними борьбу с целью их пресечения, прекращения, привлечения виновных лиц к ответственности. Противодействие таким преступлениям на своей территории – прямая задача и обязанность любого государства. Такие действия государств осуществляются, преимущественно, с опорой на международное сотрудничество, по-

скольку данными преступлениями затронуты интересы двух и более государств [14, с. 194].

Во-вторых, наличие иностранного элемента. Международные преступления затрагивают интересы всего международного сообщества, нарушают императивные нормы общего международного права и представляют собой нарушение обязательств *erga omnes*. Преступления международного характера представляют собой общеуголовные преступления, отягощенные «иностранном элементом» и, как следствие, затрагивающие интересы двух или более государств.

Третье отличие: степень общественной опасности. Тяжесть этих категорий преступлений несопоставима – международные преступления нарушают основополагающие нормы международного права, ставят под угрозу международный мир и безопасность. Преступления международного характера влекут меньшую общественную опасность.

Четвертое отличие заключается в ответственности за преступления: ответственность за международные преступления имеет как договорную основу, так и обычно-правовую. Ответственность за преступления международного характера является договорной, так как в ее основе будет лежать нарушение конкретной международной конвенции, положения которой государство имплементировало в свое национальное законодательство. Различие проявляется и в том, что ответственность индивида за совершение международных преступлений может осуществляться как в рамках национального права, так и на международном уровне – в рамках органов международной уголовной юстиции. Ответственность за преступление международного характера лицо будет нести в рамках национальной юрисдикции.

В процессе работы над проектом Устава Трибунала звучали идеи квалифицировать преступления терроризма, совершенные в Ливане, в качестве преступлений против человечности [15, р. 352]. Этому должен был способствовать и временный охват преступлений – с 1 октября 2004 г. по 12 декабря 2005 г. (ст. 1 Устава). Обосновывалось, что имевшие место террористические нападения были результатом реализации плана по систематическим атакам против гражданского населения [9, р. 518–519]. Тем не менее, хотя временная юрисдикция трибунала охватывала период и до, и после убийства Р. Харири и данный ряд террористических актов был квалифицирован в качестве одной серии преступлений, квалификация деяний свелась в итоге именно к преступлению терроризма.

Внутригосударственный характер процесса вытекал и из обстоятельств террористического акта, а также объективной квалификации преступления с точки зрения международного права (вне зависимости от позиции Трибунала, Ливана или Совета Безопасности ООН). В частности, если отталкиваться от международных договоров, охватывающих террористический акт 14 февраля 2005 г., то на момент взрыва бомбы Ливан не участвовал в Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г., Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., но был участником Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 г. и Арабской конвенции по борьбе с терроризмом 1997 г. В то же время обозначенные международные договоры применяются для сотрудничества в борьбе с актами терроризма только в том случае, когда совершенным преступлением в той или иной степени затрагиваются интересы нескольких государств (вследствие гражданства подозреваемого, жертв, принадлежности уничтоженного имущества и т. д.). В рассматриваемом акте терроризма в Бейруте были затронуты интересы исключительно Ливана [2, р. 507; 9, р. 518; 16, р. 696; 17, р. 1157], а значит, речь идет не о преступлении международного характера [15, р. 353; 18, р. 770], а об акте терроризма согласно национальному уголовному закону [19, р. 1140–1142]. Более того, согласно оценке Промежуточного решения, вынесенного Апелляционной камерой Трибунала в 2011 г., камера не стремилась привлечь к ответственности лиц на основе норм международного уголовного права за терроризм в Ливане, а пыталась истолковать и применять ливанское уголовное законодательство в соответствии с

определенными международно-правовыми стандартами, касающимися преступления терроризма. Несмотря на то, что данный подход, распространившийся впоследствии и на сам приговор, неоднократно подвергался критике из-за явно ошибочного толкования и применения норм международного права [16; 20, р. 997–999, 1005–1014; 21, р. 1024–1029] (в том числе и судьями самого СТЛ⁶), он прямо подчеркивал приоритетное значение и исключительное применение национального права [22].

В соответствии со ст. 2 Устава Трибунала применимым правом обозначен Уголовный кодекс Ливана и Закон от 11 января 1958 г. «Об усилении наказаний за ведение подрывной деятельности, гражданскую войну и межконфессиональную вражду». Безусловно, в приговоре от 18 августа 2020 г. имеется указание на применение СТЛ различных источников права⁷ и принципов толкования согласно праву международных договоров⁸, на наличие в Уставе Трибунала положений, схожих с Уставами Нюрнбергского трибунала, международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде и Римского статута Международного уголовного суда⁹, на необходимость обеспечения обвиняемым права на справедливое судебное разбирательство¹⁰. В то же время Трибунал прямо указывает, что в отсутствие оснований поступать иначе будет применять право Ливана¹¹, а не международное обычное право (последнее могло применяться только в случае имплементации соответствующих норм во внутреннее законодательство)¹², и не намерен ссылаться на иностранную или международную судебную практику¹³; подавляющее большинство предъявленных обвинений основано на Уголовном кодексе Ливана и Законе от 11 января 1958 г.¹⁴; ливанское законодательство более благоприятно для обвиняемых¹⁵.

⁶ Separate opinion of Judge Janet Nosworthy. The Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash, Hassan Habib Merhi, Hussein Hassan Oneissi, Assad Hassan Sabra (The Trial Chamber Judgement) STL-11-01/T/TC (18 August 2020). Par. 5, 34, 49–52, 57, 58, 65, 111.

⁷ The Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash, Hassan Habib Merhi, Hussein Hassan Oneissi, Assad Hassan Sabra (The Trial Chamber Judgement) STL-11-01/T/TC (18 August 2020). par. 5863.

⁸ Ibid. Par. 5969–5970.

⁹ Ibid. Par. 1917, 1931–1932.

¹⁰ Ibid. Par. 69–70.

¹¹ Separate opinion of Judge Janet Nosworthy. The Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash, Hassan Habib Merhi, Hussein Hassan Oneissi, Assad Hassan Sabra (The Trial Chamber Judgement) STL-11-01/T/TC (18 August 2020). Par. 48.

¹² The Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash, Hassan Habib Merhi, Hussein Hassan Oneissi, Assad Hassan Sabra (The Trial Chamber Judgement) STL-11-01/T/TC (18 August 2020). Par. 6195; Separate opinion of Judge Janet Nosworthy. The Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash, Hassan Habib Merhi, Hussein Hassan Oneissi, Assad Hassan Sabra (The Trial Chamber Judgement) STL-11-01/T/TC (18 August 2020). Par. 52.

¹³ Separate opinion of Judge Janet Nosworthy. The Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash, Hassan Habib Merhi, Hussein Hassan Oneissi, Assad Hassan Sabra (The Trial Chamber Judgement) STL-11-01/T/TC (18 August 2020). Par. 121.

¹⁴ The Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash, Hassan Habib Merhi, Hussein Hassan Oneissi, Assad Hassan Sabra (The Trial Chamber Judgement) STL-11-01/T/TC (18 August 2020). Par. 5876.

¹⁵ Ibid. Par. 6013, 6144.

Обозначенный характер Трибунала отразился и на квалификации преступления терроризма. Несмотря на то, что СТЛ ссылался на резолюции Совета Безопасности ООН, квалифицировавшего данное преступление как угрозу международному миру и безопасности и противопоставлявшего таким образом акт терроризма преступлениям международного характера [23, р. 666–667], утверждение Трибунала о существовании в обычном международном праве дефиниции терроризма [7, р. 30] (озвученное, в том числе, Председателем Трибунала) [24, р. 105] было подвергнуто всесторонней критике [16; 20; 21, р. 1024–1029]. Кроме того, большинство судей СТЛ отмечали, что для отправления правосудия наличие или отсутствие такой дефиниции в обычном международном праве на момент совершения преступления не имело никакого значения¹⁶. Но даже если бы такая дефиниция существовала, Трибуналу в соответствии с Уставом только разрешалось применять положения Уголовного кодекса Ливана¹⁷. Таким образом, террористический акт 14 февраля 2005 г. с позиции Трибунала представлял собой внутрисударственное преступление, преследуемое по внутреннему праву судом, созданным по инициативе самого Ливана. Этим и нивелировалась возможность юридической трансформации преступления терроризма в категорию международных преступлений [23, р. 670–671] (что не исключает и отсутствия изначально такой задачи у самого СТЛ).

Перечисленные обстоятельства определяют и значение Трибунала в системе международного уголовного правосудия [25]. Выбор применимого права, предоставленный Ливану, характер совершенного преступления, затрагивающего интересы исключительно этого государства, позволяют отнести Трибунал не столько к категории международных уголовных судов, сколько к судам с «международными характеристиками», интернационализированным вариантам национальных судов [9, р. 514–517, 521, 524], суду «международного характера, применяющего ливанское национальное право»¹⁸, основной акцент работы которого в части квалификации преступления терроризма был сделан на более широкой интерпретации национального законодательства [20, р. 1000–

1005; 21, р. 1037–1041; 23, р. 660–664]. Иными словами, новый импульс развития был дан не международному, а национальному уголовному праву.

4. Учреждение Трибунала как политический шаг

В политическом контексте наиболее вероятной и обоснованной причиной создания Трибунала видится следующая: к 2005 г. на территории Ливана уже около 30 лет присутствовали войска Сирии. После совершения террористического акта стали звучать обвинения в причастности к данному преступлению различных высокопоставленных лиц Сирии [17, р. 1160–1163; 18, р. 776–778]. Эти подозрения и обвинения прямо или косвенно нашли отражение в резолюциях Совета Безопасности ООН. Так, несколько странным с точки зрения расследования террористического акта может показаться призыв строго уважать суверенитет, территориальную целостность, единство и политическую независимость Ливана под единственной и исключительной властью правительства Ливана¹⁹. В то же время в резолюциях отмечается обеспокоенность Совета Безопасности выводами Международной независимой комиссии ООН по расследованию, согласно которым существовала высокая вероятность, что решение об убийстве бывшего премьер-министра Р. Харири не могло быть принято без одобрения высокопоставленных должностных лиц службы безопасности Сирии, в связи с чем к последней был обращен призыв полного и безоговорочного сотрудничества в расследовании преступления; введены специальные меры в отношении конкретных лиц, обозначенных Комиссией (ограничение перемещения, обеспечение явки для опроса, замораживание средств и финансовых активов и др.)²⁰. Наконец, было прямо озвучено требование, чтобы Сирия отказалась от прямого или косвенного вмешательства во внутренние дела Ливана и воздерживалась от любых попыток, направленных на дестабилизацию Ливана, а вопрос о его будущем должен решаться с помощью мирных средств самими ливанцами в обстановке, свободной от запугивания и иностранного вмешательства (Резолюция 1636 (2005)). Впоследствии Сирия согласилась на

¹⁶ Separate opinion of Judge Janet Nosworthy. The Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash, Hassan Habib Merhi, Hussein Hassan Oneissi, Assad Hassan Sabra (The Trial Chamber Judgement) STL-11-01/T/TC (18 August 2020). Par. 119.

¹⁷ The Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash, Hassan Habib Merhi, Hussein Hassan Oneissi, Assad Hassan Sabra (The Trial Chamber Judgement) STL-11-01/T/TC (18 August 2020). Par. 6193.

¹⁸ Ibid. Par. 5953.

¹⁹ См.: UNSC Res 1595 (7 April 2005) UN Doc S/RES/1595; UNSC Res 1636 (31 October 2005) UN Doc S/RES/1636; UNSC Res 1664 (29 March 2006) UN Doc S/RES/1664; UNSC Res 1757 (30 May 2007) UN Doc S/RES/1757.

²⁰ См.: UNSC Res 1636 (31 October 2005) UN Doc S/RES/1636; UNSC Res 1664 (29 March 2006) UN Doc S/RES/1664.

всестороннее сотрудничество со следствием; в апреле 2005 г. все сирийские войска были выведены с территории Ливана. В конечном счете причастность Сирии к террористическому акту не была установлена или доказана ни на уровне обвинительного заключения, ни в приговоре. Более того, в ином случае это привело бы к переквалификации преступления терроризма в акт агрессии со стороны Сирии, т. е. международное преступление. Таким образом, создание СТЛ могло преследовать несколько самостоятельных политических целей. С одной стороны – в условиях отсутствия прямых доказательств акта агрессии со стороны Сирии – как предварительный шаг, направленный на реализацию весьма общей задачи: «привлечение к судебной ответственности всех лиц, которые будут признаны виновными в совершении этого террористического преступления»²¹. С другой стороны, создание Трибунала не позволило замять расследование, не допустило бездоказательных обвинений Сирии в причастности к терроризму [26, р. 619–620], предотвратило открытое вооруженное столкновение войск Ливана и Сирии [27]. Иными словами, не столько разбирательство в Трибунале, сколько активные меры по его созданию явились способом обеспечения императивной нормы международного права [28] о разрешении международных споров мирными средствами. Основным вывод, применительно к объекту настоящего исследования, заключается в том, что задача создания СТЛ (исходя из проведенного им расследования и приговора), в конечном счете, не преследовала цели прогрессивного развития международного уголовного права (в части квалификации акта терроризма в качестве международного преступления) или развития системы международного уголовного правосудия, но была попыткой решения Ливаном конкретных политических и юридических задач.

5. Заключение

Как показывает практика, международные уголовные трибуналы представляют собой частные случаи (*ad hoc*) отправления международным сообществом правосудия на основе норм международного права в отношении лиц, обвиняемых в совершении международных преступлений. Однако в случае с

СТЛ сложилась иная ситуация. При участии ООН создан судебный орган *ad hoc* для отправления правосудия на основе внутригосударственного права в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступления, имеющего исключительно внутреннее значение. В свою очередь, это породило основания для оценки СТЛ как органа, рассматривающего политические убийства и олицетворяющего выборочное правосудие одних политических элит Ливана против других [8, р. 300–304]. По этим причинам деятельность Трибунала вряд ли могла бы внести существенный вклад в прогрессивное развитие международного уголовного права. Основываясь на национальном законодательстве, избирательно и не всегда обоснованно трактуя и подбирая необходимые для осуществления правосудия нормы права, СТЛ, по сути, изолировался от всей ранее сложившейся международной практики, сосредоточившись на внутригосударственных категориях и квалификациях. Данное обстоятельство отчасти обесценивает работу по разработке Устава Трибунала и заключению договора между Ливаном и ООН – вся проведенная за 13 лет деятельность могла быть осуществлена и национальными судебными органами с меньшими затратами и практическими трудностями. Кроме того, итог деятельности СТЛ вряд ли можно назвать выдающимся. К тюремному заключению приговорено одно лицо, три других обвиняемых оправданы, причем ни один из них не предстал перед судом лично (что также ставило под сомнение объективность следствия и судебного процесса, а также соблюдение прав обвиняемых [29; 30]); приговоренный к пяти пожизненным срокам Салим Айяш в настоящий момент скрывается от правосудия. Сам же процесс, сопровождавшийся весьма противоречивыми промежуточными выводами Трибунала, способен оказать скорее отрицательное влияние на развитие международного права и подорвать веру международного сообщества в судебные институты и механизмы как таковые, в возможность обеспечения «мира посредством правосудия» [8, р. 299, 306], в единообразное, последовательное применение норм международного права [16, р. 699].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hafetz J. Punishing atrocities through a fair trial. International criminal law from Nuremberg to the age of global terrorism / J. Hafetz. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – 196 p. – DOI: 10.1017/9781316147627.

²¹ См.: UNSC Res 1644 (15 December 2005) UN Doc S/RES/1644; UNSC Res 1664 (29 March 2006) UN Doc

S/RES/1664; UNSC Res 1757 (30 May 2007) UN Doc S/RES/1757.

2. Mégret F. A Special Tribunal for Lebanon: The UN Security Council and the emancipation of international criminal justice / F. Mégret // *Leiden Journal of International Law*. – 2008. – Vol. 21, iss. 2. – P. 485–512. – DOI: 10.1017/S0922156508005062.
3. Глотова С. В. Ливанский трибунал – новый орган международного уголовного правосудия: история создания и основные черты / С. В. Глотова // *Международное право*. – 2008. – № 2 (34). – С. 189–211.
4. Марусин И. С. Специальный трибунал по Ливану: особенности компетенции и организационной структуры / И. С. Марусин // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. – 2008. – № 5 (280). – С. 196–203.
5. Ambos K. *Treatise on international criminal law*. Vol. I. Foundations and general part / K. Ambos. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 469 p.
6. Cryer R. *An introduction to international criminal law and procedure* / R. Cryer, H. Friman, D. Robinson, E. Wilmhurst. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 618 p.
7. Stahn C. *A Critical introduction to international criminal law* / C. Stahn. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 448 p. – DOI: 10.1017/9781108399906.
8. Wählich M. Legitimacy defects and legal flaws of the Special Tribunal for Lebanon. Dilemmas of the ‘Peace Through Justice’ Theorem / M. Wählich // *The Legitimacy of International Criminal Tribunals* / eds. N. Hayashi, C. M. Bailliet. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – P. 297–321.
9. Schabas W. A. The Special Tribunal for Lebanon: is a ‘tribunal of an international character’ equivalent to an ‘international criminal court’? / W. A. Schabas // *Leiden Journal of International Law*. – 2008. – Vol. 21, iss. 2. – P. 513–528. – DOI: 10.1017/S0922156508005074.
10. Alvarez J. E. Tadić revisited. The Ayyash decisions of the Special Tribunal for Lebanon / J. E. Alvarez // *Journal of International Criminal Justice*. – 2013. – Vol. 11. – P. 291–302. – DOI: 10.1093/jicj/mqt006.
11. Рабцевич О. И. Международное содействие осуществлению правосудия в Ливане / О. И. Рабцевич // *Политика и общество*. – 2008. – № 3 (39). – С. 45–50.
12. Beigbeder Y. *International criminal tribunals. Justice and politics* / Y. Beigbeder. – Chippenham : Palgrave Macmillan, 2011. – 338 p. – DOI: 10.1057/9780230305052.
13. Русанов Г. А. К вопросу о соотношении понятий «международное уголовное преступление», «преступления международного характера», «транснациональное преступление» / Г. А. Русанов // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2012. – № 4. – С. 5–6.
14. Курс международного права : в 7 т. – М. : Наука, 1992. – Т. 6 / отв. ред. Н. А. Ушаков. – 312 с.
15. Damgaard C. *Individual criminal responsibility for core international crimes : Selected pertinent issues* / C. Damgaard. – Berlin : Springer, 2008. – 456 p.
16. Saul B. Legislating from a radical Hague: The United Nations Special Tribunal for Lebanon invents an international crime of transnational terrorism / B. Saul // *Leiden Journal of International Law*. – 2011. – Vol. 24, iss. 3. – P. 677–700. – DOI: 10.1017/S0922156511000203.
17. Swart B. Cooperation challenges for the Special Tribunal for Lebanon / B. Swart // *Journal of International Criminal Justice*. – 2007. – Vol. 5. – P. 1153–1163. – DOI: 10.1093/jicj/mqm068.
18. Bassiouni M. C. *Introduction to international criminal law : second revised edition* / M. C. Bassiouni. – Leiden ; Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2014. – 1122 p.
19. Milanović M. An odd couple. Domestic crimes and international responsibility in the Special Tribunal for Lebanon / M. Milanović // *Journal of International Criminal Justice*. – 2007. – Vol. 5. – P. 1139–1152. – DOI: 10.1093/jicj/mqm074.
20. Gillett M. Fast-track Justice. The Special Tribunal for Lebanon defines terrorism / M. Gillett, M. Schuster // *Journal of International Criminal Justice*. – 2011. – Vol. 9. – P. 989–1020. – DOI: 10.1093/jicj/mqr036.
21. Ventura M. J. Terrorism according to the STL’s Interlocutory Decision on the applicable law. A defining moment or a moment of defining? / M. J. Ventura // *Journal of International Criminal Justice*. – 2011. – Vol. 9. – P. 1021–1042. – DOI: 10.1093/jicj/mqr046.
22. Ализаде В. А. Специальный трибунал по Ливану: особый взгляд на криминализацию терроризма в международном праве / В. А. Ализаде // *Библиотека уголовного права и криминологии*. – 2016. – № 2 (14). – С. 158–168.
23. Ambos K. Judicial creativity at the Special Tribunal for Lebanon: is there a crime of terrorism under international law? / K. Ambos // *Leiden Journal of International Law*. – 2011. – Vol. 24. – P. 655–675. – DOI: 10.1017/S0922156511000215.

24. Хрдличкова И. Уникальные правовые свойства Специального трибунала по Ливану / И. Хрдличкова // *Международное правосудие*. – 2019. – № 4 (32). – С. 103–110. – DOI: 10.21128/2226-2059-2019-4-103-110.
25. Каюмова А. Р. Гибридные трибуналы и интернационализированные суды в системе международной уголовной юстиции / А. Р. Каюмова // *Российский судья*. – 2009. – № 5. – С. 34–40.
26. Lovat H. International criminal tribunal backlash / H. Lovat // *The Oxford handbook of international criminal law* / eds. K. J. Heller, F. Mégret, S. M. Nouwen, J. D. Ohlin, D. Robinson. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – P. 601–625.
27. Humphrey M. The Special Tribunal for Lebanon: emergency law, trauma and justice / M. Humphrey // *Arab Studies Quarterly*. – 2011. – Vol. 33, no. 1. – P. 4–22.
28. Снякин И. И. Нормы *jus cogens*: исторический аспект и современное значение для международного права / И. И. Снякин, А. Ю. Скуратова // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2018. – Вып. 41. – С. 526–545. – DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-526-545.
29. Jordash W. Trials in absentia at the Special Tribunal for Lebanon. Incompatibility with international human rights law / W. Jordash, T. Parker // *Journal of International Criminal Justice*. – 2010. – Vol. 8. – P. 487–509. – DOI: 10.1093/jicj/mqq020.
30. Pons N. Some remarks on in absentia proceedings before the Special Tribunal for Lebanon in case of a state's failure or refusal to hand over the accused / N. Pons // *Journal of International Criminal Justice*. – 2010. – Vol. 8. – P. 1307–1321. – DOI: 10.1093/jicj/mqq068.

REFERENCES

1. Hafetz J. *Punishing atrocities through a fair trial. International criminal law from Nuremberg to the age of global terrorism*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 196 p. DOI: 10.1017/9781316147627.
2. Mégret F. A Special Tribunal for Lebanon: The UN Security Council and the emancipation of international criminal justice. *Leiden Journal of International Law*, 2008, vol. 21, iss. 2, pp. 485–512. DOI: 10.1017/S0922156508005062.
3. Glotova S.V. The Lebanon tribunal – a new organ of international criminal justice: history and main characteristics. *Mezhdunarodnoe pravo = International Law*, 2008, no. 2 (34), pp. 189–211. (In Russ.).
4. Marusin I.S. The Special Tribunal for Lebanon: competence and organization characteristics. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2008, no. 5 (280), pp. 196–203. (In Russ.).
5. Ambos K. *Treatise on international criminal law*, Vol. I: Foundations and general part. Oxford, Oxford University Press, 2013. 469 p.
6. Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmhurst E. *An introduction to international criminal law and procedure*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 618 p.
7. Stahn C. *A Critical introduction to international criminal law*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. 448 p. DOI: 10.1017/9781108399906.
8. Wählisch M. Legitimacy defects and legal flaws of the Special Tribunal for Lebanon. Dilemmas of the 'Peace Through Justice' Theorem, in: Hayashi N., Bailliet C.M. (eds.) *The Legitimacy of International Criminal Tribunals*, Cambridge, Cambridge University Press, 2017, pp. 297–321.
9. Schabas W.A. The Special Tribunal for Lebanon: is a 'tribunal of an international character' equivalent to an 'international criminal court'? *Leiden Journal of International Law*, 2008, vol. 21, iss. 2, pp. 513–528. DOI: 10.1017/S0922156508005074.
10. Alvarez J.E. Tadić revisited. The Ayyash decisions of the Special Tribunal for Lebanon. *Journal of International Criminal Justice*, 2013, vol. 11, pp. 291–302. DOI: 10.1093/jicj/mqt006.
11. Rabcevic O.I. International cooperation in administration of justice in Lebanon. *Politika i obshchestvo = Politics and Society*, 2008, no. 3 (39), pp. 45–50. (In Russ.).
12. Beigbeder Y. *International criminal tribunals. Justice and politics*. Chippenham, Palgrave Macmillan Publ., 2011. 338 p. DOI: 10.1057/9780230305052.

13. Rusanov G.A. Revisiting the relation of «international crime», «crimes of international character», «transnational crime». *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2012, no. 4, pp. 5–6. (In Russ.).
14. Ushakov N.A. (ed.) *Course of international law*, in 7 volumes. Moscow, Nauka Publ., 1992. Vol. 6. 312 p. (In Russ.).
15. Damgaard C. *Individual criminal responsibility for core international crimes*, Selected pertinent issues. Berlin, Springer Publ., 2008. 456 p.
16. Saul B. Legislating from a radical Hague: The United Nations Special Tribunal for Lebanon invents an international crime of transnational terrorism. *Leiden Journal of International Law*, 2011, vol. 24, iss. 3, pp. 677–700. DOI: 10.1017/S0922156511000203.
17. Swart B. Cooperation challenges for the Special Tribunal for Lebanon. *Journal of International Criminal Justice*, 2007, vol. 5, pp. 1153–1163. DOI: 10.1093/jicj/mqm068.
18. Bassiouni M.C. *Introduction to international criminal law*, second revised edition. Leiden, Boston, Martinus Nijhoff Publ., 2014. 1122 p.
19. Milanović M. An odd couple. Domestic crimes and international responsibility in the Special Tribunal for Lebanon. *Journal of International Criminal Justice*, 2007, vol. 5, pp. 1139–1152. DOI: 10.1093/jicj/mqm074.
20. Gillett M., Schuster M. Fast-track Justice. The Special Tribunal for Lebanon defines terrorism. *Journal of International Criminal Justice*, 2011, vol. 9, pp. 989–1020. DOI: 10.1093/jicj/mqr036.
21. Ventura M.J. Terrorism according to the STL's Interlocutory Decision on the applicable law. A defining moment or a moment of defining? *Journal of International Criminal Justice*, 2011, vol. 9, pp. 1021–1042. DOI: 10.1093/jicj/mqr046.
22. Alizade V.A. The Special Tribunal for Lebanon: special opinion on criminalization of terrorism in international law. *Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii = Library of Criminal Law and Criminology*, 2016, no. 2 (14), pp. 158–168. (In Russ.).
23. Ambos K. Judicial creativity at the Special Tribunal for Lebanon: is there a crime of terrorism under international law? *Leiden Journal of International Law*, 2011, vol. 24, pp. 655–675. DOI: 10.1017/S0922156511000215.
24. Hrdlichkova I. Unique legal characteristics of The Special Tribunal for Lebanon. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2019, no. 4 (32), pp. 103–110. DOI: 10.21128/2226-2059-2019-4-103-110. (In Russ.).
25. Kayumova A.R. Hybrid tribunals and internationalized courts in international criminal justice. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2009, no. 5, pp. 34–40. (In Russ.).
26. Lovat H. International criminal tribunal backlash, in: Heller K.J., Mégret F., Nouwen S.M., Ohlin J.D., Robinson D. (eds.) *The Oxford handbook of international criminal law*, Oxford, Oxford University Press, 2020, pp. 601–625.
27. Humphrey M. The Special Tribunal for Lebanon: emergency law, trauma and justice. *Arab Studies Quarterly*, 2011, vol. 33, no. 1, pp. 4–22.
28. Sinyakin I.I., Skuratova A. Yu. Jus Cogens: the Historical Aspect and Contemporary Value for International Law. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2018, iss. 41, pp. 526–545. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-526-545. (In Russ.).
29. Jordash W., Parker T. Trials in absentia at the Special Tribunal for Lebanon. Incompatibility with international human rights law. *Journal of International Criminal Justice*, 2010, vol. 8, pp. 487–509. DOI: 10.1093/jicj/mqq020.
30. Pons N. Some remarks on in absentia proceedings before the Special Tribunal for Lebanon in case of a state's failure or refusal to hand over the accused. *Journal of International Criminal Justice*, 2010, vol. 8, pp. 1307–1321. DOI: 10.1093/jicj/mqq068.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иван Игоревич Снякин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права
Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivan I. Sinyakin – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of International Law
MGIMO University
76, Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia
E-mail: ilc48@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8899-4219

119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76
E-mail: ilc48@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8899-4219
ResearcherID: O-3227-2018
SPIN-код РИНЦ: 4599-0747; AuthorID: 496451

ResearcherID: O-3227-2018
RSCI SPIN-code: 4599-0747; AuthorID: 496451

Скуратова Александра Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76
E-mail: a.skuratova@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0001-8513-8719
ResearcherID: U-7329-2017
SPIN-код РИНЦ: 7825-9117; AuthorID: 519559

Alexandra Yu. Skuratova – PhD in law, Associate Professor; Associate Professor, Department of International Law

MGIMO University
76, Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia
E-mail: a.skuratova@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0001-8513-8719
ResearcherID: U-7329-2017
RSCI SPIN-code: 7825-9117; AuthorID: 519559

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Синякин И.И. Специальный трибунал по Ливану и прогрессивное развитие международного уголовного права / И.И. Синякин, А.Ю. Скуратова // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 226–236. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).226-236.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Sinyakin I.I., Skuratova A.Yu. Special Tribunal for Lebanon and progressive development of international criminal law. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 226–236. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).226-236. (In Russ.).